

О Ч Е Р К

Худ. Новиков А. А.

Ранним весенним утром я и помощник машиниста экскаватора Володя Назарьев шли по пустынной дороге, ведущей к гигантским корпусам Невинномысской ТЭЦ. Большая стройка азотнотукового комбината с разбросанными вокруг башенными кранами и уходившими в даль степи мачтами электропередач казалась вымершей. Величественную картину оживлял только дымок, медленно выходящий из трубы электроцентрали.

В это воскресное утро многие еще спали, и только молодые строители-механизаторы большой химии спешили. Слово, данное Родине,— сдать ко дню открытия партийного съезда первые промышленные объекты — должно, быть выполнено.

— Поэтому мы, механизаторы, и решили поработать в выходной,— рассказывает Володя. — Молодежь работает здорово, с огоньком! Да ты и сам увидишь.— Проговорив это, он надолго замолчал. Разговор не клеился. Мне вспомнилась наша последняя встреча.

Было это года полтора тому назад. Проездом из Ставрополя я завернул к нему. С Володей мы знакомы давно. Вместе когда-то росли. Были хорошими друзьями. Потом наши жизненные пути разошлись, мы разъехались в разные места.

Встречаемся теперь редко, но зато каждая такая встреча для нас настоящий праздник. Так вот, в этот раз Володю я в доме не застал. Старушка, вахтерша общежития, посмотрев на меня слезящимися глазами, удивленно спросила:

— Никак к Володе, а, секретарю комсомола?

— Да-да,— проговорил я.

— Ну, так ты приходи, касатик, часам к двенадцати ночи, раньше он здесь не бывает. Замотался Володя наш, поди, и спать-то некогда. Стройка-то вон какая, везде поспеть надо.— Словоохотливая старушка, не замечая моего нетерпения, продолжала.— Его здесь всяк знает. Два года уже секретарствует. А до него-то на год по двое было. Так-так, сынок! Да ты, поди, с газеты!

— Нет, нет! — поспешил я успокоить добрую старушку,— товарищ я его.

— Ну так пройди, мил человек, вон туда,— и, приоткрыв дверь, она показала мне рукой на соседнее здание,— может там застанешь.

В небольшой комнатухе, на двери которой вместо таблички висел листок с надписью «Комитет комсомола», было душно и шумно. В расстегнутой косоворотке, из-под которой выглядывала

загорелая шея, чуть выше среднего роста, за столом стоял Володя, по-видимому только что кончивший говорить. Сидящие вокруг него ребята и девушки в комбинезонах и фартуках, испачканных красной, кирпичной пылью и известью, оживленно спорили о сроках сдачи дома.

Не вставая со своего места, бойкая черноглазая девушка, подняв руку и дождавшись общей тишины, заявила:

— Мы, девчата — штукатуры и маляры, обещаем в недельный срок закончить свои работы. Даем честное слово, слово комсомольцев! — немного с пафосом, но совершенно серьезно закончила она.

— Молодцы, девчата! На буксир хлопцев, — послышались со всех сторон одобрительные голоса,

Заседание комитета окончилось. Володя с товарищами спешил на репетицию драмкружка.

По дороге зашел разговор о призвании. Ребята долго спорили, а затем спросили мнение у Володи.

— Вот ты говоришь, Толя, что мое призвание — комсомольская работа, а мне кажется, что это — долг. А призвание — это, по-моему, то, что на всю жизнь. В свое время я думал, что мое призвание — живопись. Дважды после получения аттестата зрелости поступал в художественное училище и оба раза уходил: подвело здоровье. А когда поправился, пыл прошел. Вот вам и призвание.

— Товарищи! Вовка определенно напрашивается на комплимент. Да он ночи просиживает у своих полотен, ведь от его картин все в восторге!

— Профессия строителя мне по душе, и я им стану, — не ответив, закончил свою мысль Володя. — Но главное — нести людям всегда и везде радость.

Затем разговор зашел о случае, который произошел на свадьбе.

Я, заинтересовавшись, попросил подробнее рассказать об этом.

— Дело, конечно, уже прошлое, — заговорил рядом идущий словоохотливый паренек. — Когда Володя приехал к нам, ему предложили квартиру, но он отказался. «Люди, — говорит, — семейные ждут, а я пока один, поживу в общежитии», Но

вскоре приехала мать. Пришлось идти на частную квартиру. А на частной, известно как, удобств никаких, а деньги берут бешеные. Только на второй год дали ему ордер на новую квартиру. Вон в том, третьем доме, — показал паренек. — Володя, конечно, не дождавшись обеда, побежал домой обрадовать мать.

В этот вечер молодежь «Химстроя» праздновала свою первую комсомольскую свадьбу. Молодоженам мебель подарили, а квартиры нет. Началась гулянка, к молодым стали подходить, поздравлять. Подошел и Володя с бокалом вина. И тут мы услышали: — Друзья! Юрию и Валентине наш комсомольский сюрприз! — и он почти насильно вложил в руку растерявшемуся от неожиданности жениху ключ от квартиры.

— Да, было, — вместе со всеми смеется Володя. — Пришлось на другой день извиняться перед мамой.

...Мои воспоминания и наше затянувшееся молчание первым нарушил Володя.

— Жаль, что на вечер не останешься. Побывал бы на репетиции, у меня жена тоже играет. Она оказалась настоящей артисткой. А ведь до женитьбы сколько ни бился, так и не мог затянуть ее на сцену.

— Сын, Андрюшка, вероятно, помог — шучу я.

— Возможно. А от успеха спектакля, который мы теперь готовим, зависит будущее нашей труппы: быть или не быть на «Химстрое» народному театру. Это, так сказать, экзамен на аттестат зрелости. Правда, нам много помогают шефы — коллектив крайдрамтеатра. Почти каждое воскресенье приезжает главный режиссер на репетиции. Хорошая пьеса здорово клеймит равнодушие.

Вскоре мы подошли к экскаватору «Кировец 9505», приткнувшемуся к высокой длинной насыпи.

— Вот он, наш красавец! — открывая заднюю дверцу кабины, с гордостью говорит Володя. — Этот «Кировец» — гордость стройки. Он вынул на «Химстрое» первый кубометр грунта. Да так вот и идет в шеренге передовых.

Подкачав горючее из запасного бака в рабочий, закрыв дверцу, Володя поднимается в кабину управления.

— Вторая смена работала отлично, — проверив вахтенный журнал и окинув хозяйским взглядом внутренность кабины, радостно сообщил он.

Взяв в руки масленку и ключ, он тщательно смазывает и проверяет все узлы и агрегаты. Потом крутит пусковой движок. Карбюратор, чихнув раз, другой, как бы нехотя, словно прощаясь со сном и покоем, сделал в последний раз громкий выстрел, подал добрую порцию горючего в сердце двигателя. Мотор взревел, быстро набирая обороты. Приятно запахло отработанным газом, и сразу все как будто ожило вокруг. Еще несколько минут назад, казалось, вымершая до этого степь вдруг зашевелилась: со всех сторон пошли машины, бульдозеры, скреперы, заторопились по многочисленным дорогам стройки люди на велосипедах, мотоциклах и просто пешком,

И в эту минуту у меня появилось чувство, словно вот эта мерно вздрагивающая машина Володи пробудила к жизни сотни людей и механизмов. Мне казалось, что сигнал «Кировца» слышит вся степь, вся громадная стройка, и все спешат именно на его зов.

А Володя уже орудовал рычагами, и экскаватор то плавно и мягко вгрызался в грунт клыками ковша, то высоко вздымал хобот и наполнял грунтом кузова самосвалов. Володя что-то кричал мне, озорно блестя его зубы. Довольный, с сияющей улыбкой на испачканном маслом лице, он был весь во власти своей любимой работы.

«И это он, Володька,— думал я, — который так хорошо может говорить о людях, о своих товарищах, и так мало и односложно о себе. Вот он каков!»

Проверив механизмы и переключив двигатель на малые обороты, Володя, немного усталый, но возбужденный и радостный, спустился вниз ко Мне. В ожидании машин закурил. Взглянув в сторону канала, Володя тронул меня за рукав:

— Смотри! Вон там, видишь?

Вдали, у самого канала, стоял громадный экскаватор, у которого клубился дымок выхлопов.

— Это мой первый университет, там я постигал азы. Хороший человек — машинист этого экскаватора Николай Бондарев. Благодаря ему я в два месяца сумел освоить машину и сдал на третий разряд.

Еще вчера вечером Володя успел поведать мне о своих новых товарищах по работе. Бригадир экипажа Василий Серов, по словам Володи, — большой души человек, мастер своего дела. Он первым на «Химстрое» организовал комплексную бригаду экскаваторщиков с шоферами, А теперь уже по его методу работают бригады Золотцева, Сорокина и другие. С любовью Володя говорил и о Попове, который уже более десяти лет работает машинистом, страстно любит свое дело и охотно передает его другим.

Слушая Володю, я представлял Попова почему-то человеком солидным. Но вскоре я был разочарован. Не успев выкурить папироски, мы увидели, как по насыпи подкатил велосипедист. К нам навстречу быстро и легко поднимался небольшого роста человек лет тридцати.

— Петро,— крепко пожимая нам руки, просто назвался он. Его голос звучал тепло и ласково. Загорелое лицо, овеянное степными ветрами, светилось улыбкой, доброй, детской, располагающей к себе собеседника.

— Ага, вот и наша колонна движется. Видал! Точность — гляди на часы, — с гордостью произнес он.

— Да, слетаются наши орлы,— смеется Володя.

К площадке одна за другой подъезжают машины.

— Дядя Коля! Ближе, еще ближе! Вот так, хорошо! — громко кричит Володя.

Из кабины показывается голова шофера.— Давай, сынок, грузи! — перекрывая гул двигателей многих машин, командует он.

Попов вскакивает на гусеницу экскаватора и уже через минуту он выбрасывает первый, затем второй ковш грунта в громадный стальной кузов МАЗа. Еще несколько поворотов стрелы, и

рессоры многотонной машины опустились до предела.

— Эй, Петро-о! Еще ковшик! — докатывается до нас голос дяди Коли.

И только когда гора земли, нагруженной в кузов, закрыла от нас кабину, шофер, приветливо взмахнув рукой, медленно повел машину в сторону отвала.

— Видал, какой прыткий, а? — смеется Петро, спрыгнув к нам после того как ушла последняя машина. — Еще ковшик подай ему! Пожалуйста! Бери, с удовольствием, подбросим. А раньше все на резину кивали, да на рессоры. Теперь все держит.

И Попов, прислонившись к кабине, в ожидании следующих машин рассказывает, как легко стало работать в комплексе:

— Вчера, под конец смены цепь порвалась. Все, думаю, кончилась моя работа. Самому не осилить. И что же вы думаете, пустые уехали?— загадочно подмигнув Володе, улыбается Петре.— Через десять минут все было готово.

— Да, до работы наши шоферы злые стали,— серьезно говорит Володя.— Ведь до комплекса мы и мечтать не могли о такой выработке, как теперь—четыреста пятьдесят-пятьсот кубов в смену, при норме двести двадцать. Шоферы стали соревноваться друг с другом в быстроте и ловкости и порой даже нас подталкивают.

Всю эту «революцию», по словам Володи и Петра, сделал комплекс. Комплексная бригада — это экипаж экскаватора и группа шоферов с машинами, закрепленными за экскаватором. Весь труд стал учитываться совместно. Кончили участок, выписывают наряды тем и другим, и ни путаницы, ни кривотолков. А до комплексной работы шоферы писали только рейсы, без учета груза. И часто случалось так, что по документам шоферов грунт уже весь вывезли, а он в действительности лежал целехонек на своем месте. В то же время экскаваторщики не выполняли план. Шоферы много времени теряли на ежедневное оформление документов (нарядов, путевок).

В то время это был вопрос вопросов, потому что после небольшой паузы заговорил о том же Володя:

— Да-а, теперь стало не то, шоферы — молодцы, словно их подменили, при поломках помогают нам. А раньше — боже упаси! За баранку — и дальше, поехал к другому. Теперь же заинтересованность общая, а это-то и главное в комплексе.

И словно подтверждая последние слова Володи, нашу беседу вдруг нарушил громовой голос шофера:

— Эге-гей-й, кончай перекур! Давай, грузи!

— Вот, черти, и покурить спокойно не дадут,— беззлобно выругался Петро. — Пойди, Володя, покидай им!

Усевшись в трех метрах от экскаватора на зеленеющий холмик земли, который от первых живительных лучей весеннего солнца уже курился легким дымком, мы с Поповым продолжали беседу. И пока Володя работал, Попов мне поведал, что их бригада борется за право называться экипажем коммунистического труда.

И вдруг погода прямо на глазах стала меняться. Подул пронизывающий ветер, засвистел в ажурных переплетениях стальных конструкций. Небо быстро заволакивали тучи: рваные, черные и зловещие. Мутная пелена закрыла небо, заплясали мокрые снежинки.

Но Володя не прекращал работу. Проходило две-три минуты, и мощный самосвал, взревев мотором, откатывал. А на смену ему уже подходил другой.

Несмотря на все ухудшающуюся погоду, настроение экипажа было прекрасным. Казалось, непогода вызывала на единоборство этих веселых, волевых парней, подбадривала и подзадоривала их. Лица экскаваторщиков светились улыбками.

И, честное слово, мне жаль было расставаться с ребятами, с этой дружной рабочей семьей. До самого дома и уже много позже мне почему-то все время казалось, что ребята не работали, а песню пели. Пожалуй, впервые я был свидетелем такого самозабвенного, красивого труда!

Собственно, на этом можно было бы и точку поставить. Но богатая красками жизнь Володи волновала меня. И вот спустя полгода, я снова на «Химстрое». Это было уже третье мое посещение. Теперь

меня поразили резкие перемены. Там, где весной были пустыри, сейчас высились большие корпуса новых зданий, цехов. Володя со своим экскаватором, теперь уже машинист, работал на пусковом объекте — шиноремонтном заводе, — убирал последние завалы.

Вечером на торжественном собрании, посвященном Дню строителя, я узнал, что бригада Василия Серова, в которой работает Володя, выполнила уже годовой план, то есть на два с лишним месяца раньше, чем обязывалась. Начиная с августа они работают в счет 1962 года. За самоотверженный труд при рытье котлована под Дворец культуры бригаде объявлена благодарность. Володе присвоено звание Ударник коммунистического труда. Тут же вместе с ценным подарком ему вручили Почетную грамоту городского комитета партии.

...В одном из номеров «Невинномысского рабочего» я прочел рецензию на спектакль «Два цвета», поставленный драматическим коллективом «Химстроя». С презрением встречает зритель появление на сцене Глухаря в исполнении Владимира Назарьева. Назарьев серьезно отнесся к работе над ролью, и его Глухарь действительно предстал перед зрителем в том черном цвете, о котором говорил Шура Горяев.

Много свершилось интересных дел в жизни молодого коммуниста Володи Назарьева в эти полгода. Он стал настоящим мастером своего дела. Сейчас готовится к поступлению в строительный институт, а вечерами по-прежнему пишет картины, оформляет стенную газету, декорации для своего театра.

Яркой, полнокровной жизнью живет молодой строитель. Больших успехов тебе, Владимир!